

ПРОЛОГ

Они пришли, когда их позвал Гул'дан — те, кто с готовностью и даже с рвением продали свои души Тьме. Когда-то, подобно Гул'дану, они глубоко постигли мир духов. Когда-то они изучали природу и место, что отводилось в ней оркам, наблюдая за зверями в лесах и полях, за птицами в небесах, за рыбами в реках и океанах. И они были частью этого круговорота — ни больше, ни меньше.

Но не теперь.

Некогда шаманы, ныне чернокнижники, они вкусили лишь малую толику силы, и нашли ее поистине сладкой, словно каплю меда на языке. И их усердие вознаграждалось все большей и большей силой. Сам Гул'дан шел по этому пути под руководством Нер'зула, пока наконец не превзошел своего учителя. И хотя именно благодаря Нер'зулу Орда стала той губительной несокрушимой силой, коей являлась ныне, у старика не хватило храбрости пойти даль-

ше. Слабым местом Нер'зула оказалось врожденное благородство орков. У Гул'дана слабостей не было.

Орда уничтожила все живое в этом мире. А затем, обезумев от жажды крови, кланы ополчились друг против друга в отчаянной попытке усмирить яростное пламя, сжигающее их сердца. И вот тогда Гул'дан обнаружил новое русло, в которое можно направить жгучую ярость, завладевшую Ордой. Оркам предстояло отправиться в новый мир, полный ничего не подозревающей, а потому, легкой добычи. Жажда крови достигла предела, и вскоре стало ясно, что необузданная Орда нуждается в контроле. Ей нужен совет, во главе которого встанет Гул'дан.

Гул'дан кивнул им, когда они вошли. Его маленькие, горящие глаза не упускали из виду ни единой мелочи. Один за другим эти орки пришли на его зов, точно услужливые звери к своему хозяину. К нему.

Они расселись вокруг стола — те, кого более всего боялись, почитали и презирали среди орочьих кланов. Некоторые выглядели пугающе, ибо купили темные знания не только ценой собственных душ. Другие же сохранили внешнюю привлекательность, и их здоровые мощные тела бугрились рельефными мышцами, обтянутыми гладкой зеленой кожей, ибо таково было их условие при заключении сделки с Тьмой. И каждый был беспощаден, коварен и готов на все — ради еще большей силы.

Но ни один не мог сравниться в беспощадности с Гул'даном.

— Те немногие, собравшиеся здесь, — начал он своим скрежещущим голосом, — самые могущественные представители своих кланов. Мы познали силу. Знаем, как ее получить, как использовать и как добыть еще больше. Кое-кто уже начал выступать против нас. Одни желают вернуться к своим корням, другим надоело убивать невинных младенцев. — Толстые зеленые губы Гул'дана искривились в презрительной усмешке. — Вот что происходит, когда орки проявляют слабость.

— Но Великий, — произнес один из чернокнижников, — мы перебили всех дрениев. Кого еще можно истребить в этом мире?

Гул'дан улыбнулся, обнажив крупные острые зубы.

— Никого, — ответил он. — Но нас ждут другие миры.

Он изложил свой план, с удовольствием наблюдая, как в красных глазах соратников разгорается жажда власти. Да, план был хорош. Совет станет самым могущественным объединением орков в истории, и возглавить его мог только он, Гул'дан.

— Мы заставим плясать под свою дудку всю Орду! — провозгласил он. — Каждый из нас имеет большое влияние, но орки — гордый народ, поэтому им не следует знать, кто в действительности держит бразды правления. Пусть воины пребывают в неведении. Пусть каждый думает, что заносит боевой топор по собственной воле, а не потому, что так велит мы. Мы же будем действовать тайно.

Мы — те, кто скрываются в тени. Мы — власть незримая, и потому еще более могущественная! Мы — Совет Теней, и пусть о нашей силе не узнает никто.

Но настал день — и довольно скоро, — когда об этой силе все же узнали...

«**В** такую ночь мерзнут даже звери», — подумал Дуротан и, рассеянно протянув руку к своему спутнику-волку, почесал его за белым ухом. Острозуб благодарно засопел и плотнее прижался к другу. Вождь орков и волк вместе наблюдали за тем, как за грубым овалом входа в пещеру, где они сидели, бесшумно падает снег.

Некогда Дуротан, вождь клана Северного Волка, знавал куда более благодатные края. Он размахивал топором, залитый солнечным светом, и блики, игравшие на металле и на брызгах алой человеческой крови, заставляли его маленькие глаза щуриться. В те времена он чувствовал единение со всем своим народом — не только с орками собственного клана. Они стояли плечом к плечу, они катились смертоносной зеленой волной по склонам и сметали всех людишек на своем пути. Они пировали у костров, перемежая низким грудным

смехом байки о кровавых завоеваниях, пока их дети дремали у тлеющих углей, а их маленькие головы полнились картинами будущей резни.

Но теперь горстка орков, оставшаяся от клана Северного Волка, тряслась от холода, изгнанная в стылые Альтерацкие горы чуждого им мира. Единственными их друзьями стали огромные белые волки. Они сильно отличались от крупных черных собратьев, некогда носивших на своих спинах народ Дуротана. Но волк все равно остается волком, какого бы цвета ни была его шерсть, и волевое упорство в сочетании с силой Дрек'Тара заставило зверей подчиниться. Теперь орк и волк охотились вместе и согревали друг друга нескончаемыми снежными ночами.

Из глубины пещеры послышался тихий гнусавый звук, и Дуротан обернулся. Его суровое лицо, на котором годы тревог и гнева оставили множество морщин, тотчас смягчилось. То маленький сын вождя — до сих пор безымянный, поскольку День именованья в этом цикле еще не настал, — захныкал, пока его кормили.

Оставив Острозуба дальше следить за снегопадом, Дуротан встал и пробрел во внутреннюю полость пещеры. Кормившая ребенка Драка мгновение назад отняла малыша от груди, поэтому он и раскапризничался. Дуротан увидел, как жена вытянула палец и острым, будто бритва, черным ногтем глубоко надрезала свой сосок, а затем вновь прижала головку младенца к груди.

Ни следа боли не отобразилось на ее красивом скуластом лице. Теперь ребенок вместе с материнским молоком пил и ее кровь — как раз то, что нужно растущему воину, сыну Дуротана, будущему вождю Северных Волков.

Сердце Дуротана наполнилось любовью к своей подруге, воительнице, равной ему в храбрости и коварстве, и к их прекрасному первенцу.

Именно в этот момент он понял, как ему следует поступить. Знание это словно окутало его невидимым покрывалом. Дуротан сел и глубоко вздохнул.

Драка посмотрела на мужа, и ее карие глаза прищурились. Она слишком хорошо его знала. Дуротан не хотел говорить жене о своем внезапном решении, хотя и не сомневался в том, что оно верно. Но сказать было необходимо.

— Теперь у нас есть дитя, — проговорил Дуротан низким рокочущим голосом.

— Да, — подтвердила Драка с гордостью. — Славный, сильный сын, который поведет клан Северного Волка за собой, когда его отец доблестно падет в бою. — И тут же добавила: — Через много-много лет.

— Я в ответе за его будущее, — продолжил Дуротан.

Драка вся обратилась в слух. Дуротан подумал, как восхитительно красива она была в тот момент, и попытался запечатлеть ее образ в своей памяти. Блики пламени от костра играли на зе-

ленной коже женщины, подчеркивая мощные мускулы и заставляя блеснуть клыки. Она не стала отвечать — ждала, что скажет ее супруг.

— Не выступи я тогда против Гул'дана, у нашего сына были бы сейчас товарищи, с которыми он бы мог взрослеть, — посетовал Дуротан. — А мы бы по-прежнему оставались уважаемыми членами Орды.

Драка гневно зашипела, раскрыв массивные челюсти и обнажив клыки.

— А еще ты не стал бы тем мужчиной, за которым я бы последовала! — прорычала она. Младенец, вздрогнув, отвлекся от груди и недовольно посмотрел на мать. Белое молоко и красная кровь капали с его уже начавшего выдаваться вперед подбородка. — Дуротан из клана Северного Волка не стал бы сидеть и безропотно смотреть на то, как наш народ ведут на верную смерть, точно люди — своих овец. После того, что ты узнал, ты не мог промолчать, муж мой! Не мог поступить иначе — и остаться вождем...

Дуротан кивнул, признавая правдивость ее слов:

— Зная, что в Гул'дане не было любви к своему народу, что мы были для него лишь способом умножить свою силу...

Он замолчал, вспомнив потрясение и ужас — а еще ярость, — захлестнувшие его, когда он узнал о Совете Теней и двуличии Гул'дана. Дуротан пытался убедить других орков в том, что им

всем грозит смертельная опасность. Что их используют, будто пешек, чтобы уничтожить дренев — расу, которая, как начинал думать Дуротан, вовсе не заслуживала истребления. И пройти через Темный портал в ничего не подозревающий мир также решили не орки, а Совет Теней. И все ради Гул'дана, ради умножения его силы. Сколько воинов уже пало в этих бессмысленных сражениях?

Он задумался, подбирая слова.

— Я выразил протест и отправился в изгнание. А вместе со мной — и все те, кто поддержал меня. Это великое бесчестье.

— Только для Гул'дана! — с жаром воскликнула Драка. Тем временем младенец справился с мимолетным испугом и вновь приник к материнской груди. — Твой народ жив и свободен, Дуротан! Здесь — суровое место, но мы нашли снежных волков, ставших нашими верными друзьями! У нас вдоволь свежего мяса даже в разгар зимы. Мы, насколько можем, живем по-старому, а беседы, что мы ведем у костра, станут наследием для наших детей.

— Они заслуживают большего! — прорычал Дуротан. Он указал своим острым когтем на причмокивающего младенца. — Он заслуживает большего! Как и все наши братья, которых обманывают до сих пор, Драка! И я дам им все это. — Он встал и выпрямился во весь рост. На жену и ребенка упала его громадная тень.

Лицо Драки приняло удрученное выражение, и Дуротан понял — жена знала, о чем он собирал-